

„Какъ, мы будемъ кланяться инженерамъ, тратить 10 тысячъ! Да развѣ мы не жили безъ желѣзной дороги? Пусть ставятъ вокзалъ, гдѣ имъ угодно: кому нужно пріѣхать въ Курскъ, тотъ, гдѣ ни поставь вокзалъ, пріѣдетъ!“—И вокзалъ былъ построенъ за Ямской,—а черезъ нѣсколько лѣтъ городъ вошелъ въ неоплатный долгъ для того, чтобы хотъ желѣзнодорожную вѣтвь провести въ средину города.

Въ 40 и 50-хъ годахъ въ Курскѣ для общественнаго развлеченія существовалъ одинъ лазаретный садъ, да и въ немъ рѣдко устраивались публичныя гулянья: развѣ какая-нибудь забѣгая труппа акробатовъ давала нѣсколько представлений. Жители Курска до 60-хъ годовъ жили замкнутою жизнью: каждый имѣлъ свой кружокъ знакомыхъ и въ немъ проводилъ время. Дочери курскихъ обывателей находились подъ самымъ строгимъ надзоромъ; выходить изъ дому имъ дозволяли только въ церковь, да и то съ провожатымъ; что же касается до прогулокъ, въ родѣ хотъ такихъ, какія совершаются теперь на Московской улицѣ, то даже совершеннолѣтнія дѣвицы о нихъ и думать не могли. Да что говорить о прогулкахъ?—во многихъ домахъ взрослымъ дѣвицамъ запрещено было подходить даже къ окнамъ, обращеннымъ на улицу, и дѣвица, нарушившая это запрещеніе, рисковала получить отъ старшихъ головомойку. Особенно доставалось дѣвушкамъ, если въ то время, когда она смотрѣла въ окно, какой-нибудь кавалеръ слишкомъ умильно взглянулъ на нее. О мастеровыхъ и говорить нечего. Они, выходя изъ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, попадали въ крѣпостную зависимость къ хозяевамъ, державшимъ и мастерицъ, выпедшихъ изъ ученія, въ ежевыхъ рукавицахъ. Вотъ въ это-то время, на „цыганскомъ“ бугрѣ, въ концѣ теперешней Раздѣльной улицы, тогда еще почти не существовавшей, въ день св. Петра и Павла происходило гулянье. Уже наканунѣ этого дня пустынный бугоръ оживился: строились качели, карусели, балаганы фокусниковъ, палатки для продажи лакомствъ, а въ сторонѣ, на берегу рѣки, ставили легкую ограду и устраивали мѣста для публики. Здѣсь подвизались акробаты и пускались фейерверки; входъ сюда былъ платный.